
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ВЛИЯНИЯ, СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.131.1 «12/13»=161.1+801.73

МАНЬКОВСКИЙ А.В.¹ Рецензия на кн.: СЕДАКОВА О. МУДРОСТЬ НАДЕЖДЫ И ДРУГИЕ РАЗГОВОРЫ О ДАНТЕ : [сб. статей]. – Санкт-Петербург : изд-во Ивана Лимбаха, 2021. – 320 с.
DOI: 10.31249/lit/2022.03.06

Аннотация. В книге собраны работы поэта, прозаика и филолога Ольги Александровны Седаковой (р. 1949), большая часть которых публиковалась в различных изданиях на русском и итальянском языках; лишь немногие тексты выходят в свет впервые. Старые работы, заново отредактированные для сборника статей, воспринимаются в составе целого иначе, чем прежде. В книге три раздела. Попытка раскрыть смысл каждой из частей поэмы Данте («Ад», «Чистилище» и «Рай») и анализ связей между ними составляют содержание первого. Второй раздел можно назвать разговором (точнее – «разговорами»; см. заглавие книги) о «русском» Данте; сюда входят статьи о русских поэтах, которые испытали влияние Данте или оказались близкими ему по духу. Третий включает новаторские опыты переводов автора книги из «Новой Жизни» Данте.

Ключевые слова: Данте Алигьери; «Комедия»; «Рай»; «Чистилище»; «Ад»; дантовское вдохновение; русская поэзия; А.С. Пушкин; А.А. Блок; О.Э. Мандельштам; Б.Л. Пастернак.

---

¹ Маньковский Аркадий Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН.

Для цитирования: Маньковский А.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2022. – № 3. – С. 90–105. – Рец. на кн.: Седакова О. Мудрость Надежды и другие разговоры о Данте : [сб. статей]. – Санкт-Петербург : изд-во Ивана Лимбаха, 2021. – 320 с. DOI: 10.31249/lit/2022.03.06

MANKOVSKY A.V. Book review: Sedakova O. The Wisdom of Hope and Other Conversations about Dante: [a collection of articles].

Abstract. This book contains mostly the O. Sedakova's works that have been previously published in various editions in Russian or Italian; only a few texts are published for the first time here. Old works have been re-edited and now are perceived quite differently as a part of the whole collection. There are three sections in the book. The first one discusses the three parts of Dante's poem ("Inferno," "Purgatorio," and "Paradiso") and their interconnections. The second one presents a conversation (or rather "conversations"; see the title of the book) about "Russian" Dante; it includes articles about Russian poets influenced by Dante or congenial to him. The third section includes the pioneering experiments in translating from Dante's "Vita nuova" by O. Sedakova.

Keywords: Dante Alighieri; "Commedia"; "Paradiso"; "Purgatorio"; "Inferno"; Dante's inspiration; Russian poetry; A. Pushkin; A. Blok; O. Mandelstam; B. Pasternak.

To cite this article: Mankovsky, Arkadiy V. "Book review: Sedakova O. The Wisdom of Hope and Other Conversations about Dante: [a collection of articles]", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 3, 2022, pp. 90–105. DOI: 10.31249/lit/2022.03.06

На состоявшейся 30 января 2022 г. в Петербурге, в «Подписных изданиях» на Литейном, презентации автор признается, что «Мудрость Надежды и другие разговоры о Данте» – это книга ее жизни¹, а во вступлении к тому – что, готовя издание, «с удивлением поняла, что почти все, что в него включено, было написано

---

¹ См.: Январские диалоги : Ольга Седакова. Мудрость Надежды и другие разговоры о Данте [презентация книги : видеозапись] // Открытая Библиотека : [электронный ресурс]. – 2022. – 30.01. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YNtLgUSyXCQ> (дата обращения: 20.02.2022).

для итальянцев, впервые прочитано в Италии и опубликовано по-итальянски» [2, с. 9]. В то же время нельзя сомневаться, и здесь конкретных ссылок можно не давать: книга адресована русскому читателю – ему прежде всего – именно о нем автор больше всего думал, издавая книгу. Итак, Данте – не выисканный специально для нас, не приспособленный к нашим нравам, а такой, которого итальянцы признают своим, который им нужен. Пожалуй, это лучшее, чем можно было бы привлечь российского читателя!

Сама собой возникает ассоциация, отнюдь не чуждая строю книги и ее главным установкам:

Поучимся ж серьезности и чести
На Западе, у чуждого семейства.

Только теперь не у немцев, как призывал О.Э. Мандельштам в стихотворении «К немецкой речи» (1932), откуда взяты эти строки, а у итальянцев – у самого Данте, которого еще Пушкин называл «il gran padre Alighieri»¹.

Не покажется странным, по крайней мере представителям поколения 1970–1980-х годов, и другое признание автора во вступлении: итальянский, еще в студенческие годы, она «взялась изучать с единственной целью: прочесть “Божественную Комедию” в оригинале» [2, с. 9]. Думаю, многие могли бы признаться в подобном благом начинании! Тем ценнее для них – и для тех, кто, подобно автору книги, сумел счастливо добраться до цели, и для тех, кто вынужден был «сойти с дистанции», – итог многолетних раздумий русского поэта и филолога над строками Данте, который многими же будет воспринят как откровение.

Однако следует оговориться – тех, кто настроен чересчур сектантски и из всей «Комедии» признает только Первую кантику, ждет известное разочарование²: о ней, в процентном соотношении,

---

¹ Пушкин А.С. Письмо к издателю «Московского вестника» // Пушкин А.С. Собр. соч. : в 10 т. – Москва, 1962. – Т. 6. – С. 282.

² Возможно, эти читатели уже испытали его при встрече с предыдущей книгой О.А. Седаковой – «Перевести Данте» [3], в которой даны переводы лишь песней «Чистилища» и «Рая» и которая, по словам автора, представляет вместе с новой «<одно> целое» (см.: Январские диалоги : Ольга Седакова. Мудрость Надежды и другие разговоры о Данте [презентация книги : видеозапись] // Открытая Библиотека [электронный ресурс]. – 2022. – 30.01. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YNtLgUSyXCQ> (дата обращения: 20.02.2022)).

говорится не так много, как о двух других. Специально ей посвящена статья «Под небом насилия. “Ад”. Песни XII–XIV»¹. Но дело не в том, что из противоречия господствующему вкусу автор больше внимания уделяет другим кантикам. Здесь вопрос принципиальный. Автор не раз ссылается на слова П. Клоделя: «<Д>антовский “Ад” начинается в “Раю»» [2, с. 21, 32] – и поясняет: «Ад Данте начинается в Раю как сюжет: там задумано и “санкционировано” его странствие – в качестве исключительного прецедента» [2, с. 32]. Однако речь может идти и о большем. Автор глубоко верит: если бы дело было лишь в Первой кантике, то гений, подобный Данте, не стал бы создавать двух других – они необходимы, без них нет и этой первой, так как распадается невероятное целое, о котором только и стоит говорить. Вот слова автора: «Я думаю, важнейшая задача современного чтения Данте – восстановить связь его Ада с Раем и, следуя его рассказу, выйти из Ада.

А для того, чтобы выйти из Ада <...>, – необходимо держать в уме *цельность* всего мироздания Данте» [2, с. 33]².

Весомые доказательства этой цельности, а также внутренних связей между частями приводятся многократно. Одно из связующих звеньев – *сюжет надежды*, который подробно разбирается в заглавной статье сборника – «Мудрость Надежды»³: «У дантовской надежды обычно два свойства: она “живая” (*viva speranza*) – и она “высокая” (*alta spene*). <...> И это, по существу, надежда на одно: жизнь человека у Данте – это не что другое как восхождение» [2, с. 24]. Начавшись в преддверьи Ада, «<с>южет Надежды завершается <...> в прославлении “полуденного факела любви” и “живого источника надежды” – Богородицы: в ней

...s'aduna
quantunque in creatura è di bontate

---

¹ В несколько иной редакции статья опубликована в: Данте Алигьери: *pro et contra*: антология. – Санкт-Петербург, 2016. – Т. 2 / Самарина М.С. (сост.). – С. 309–329.

² Такой подход, насколько можно судить, вполне согласуется с общемировым трендом в современной науке о Данте. См., напр.: *Vertical readings in Dante's Comedy*: in 3 v. / ed. by Corbett G., Webb H. – Cambridge, UK, 2015–2016.

³ В другой редакции, под загл. «Данте: мудрость надежды», опубликовано в упомянутом выше издании: Данте Алигьери: *pro et contra*: антология. – Т. 2. – С. 330–342, а также в ее переклад: Санкт-Петербург, 2019. – Т. 2. – С. 389–398.

...соединяется
все, что только есть благого в творении
Par. XXXIII, 20–21» [2, с. 27].

Таков вкратце «сюжет дантовской надежды» [там же], и у автора он изложен убедительно.

Другое связующее звено между частями и доказательство «цельности» дантовской вселенной – история Улисса¹. С Улиссом у Данте мы встречаемся в Аду (Inf. XXVI, 52–142), где он осужден отбывать вечное наказание среди «коварных советчиков», в круге восьмом. Здесь, от самого Улисса, Данте и слышит о его дерзновенном путешествии в «мир без людей» (Inf. XXVI, 117). «Корабль Улисса гибнет в водовороте в тот миг, когда перед его глазами и глазами его спутников <...> встает в отдалении “темная гора” такой высоты, что ее не вмещает взгляд. <...> Много позже, уже во Второй кантике, мы узнаем, что эта темная для Улисса гора была горой Чистилища, той самой горой, на вершине которой располагается Земной Рай» [2, с. 63–64]. И наконец в Третьей кантике, уже после рассказа Адама в Раю небесном о том, как он пробыл в Раю земном буквально несколько часов (Par. XXVI, 139–142), Данте, смотря вниз, на землю, видит «безумный путь Улисса» («il varco / folle d’Ulisse», Par. XXVII, 82–83). «Вот, – заключает автор, – дуга дантовской мысли об Улиссе: от XXVI песни “Ада” – к XXVII песни “Чистилища” – и к XXVI–XXVII песням “Рая”! И такими дугами, многочисленными, пересекающимися, расчерчена вся ткань повествования “Комедии”» [2, с. 64]².

В книге О.А. Седаковой три раздела. Реабилитация «Рая» и «Чистилища» – не в ущерб «Аду», раскрытие смысла каждой из кантик и анализ связей между ними составляют содержание первого. Один из центральных текстов раздела – «Земной Рай в “Бо-

---

¹ См. также: Лотман Ю.М. Путешествие Улисса в «Божественной Комедии» Данте // Лотман Ю.М. Семiosфера : культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 303–313. О.А. Седакова упоминает эту работу.

² Очевидно, что наблюдения автора перекликаются с идеей «вертикального прочтения» «Комедии» Данте; см. об этом методе интерпретации в: Vertical readings in Dante’s *Comedy* : in 3 v. / ed. by Corbett G., Webb H. – Cambridge, UK, 2015–2016. Однако О.А. Седакова не пользуется применяемой в данной книге терминологией.

жественной Комедии”. О природе поэзии»¹ (содержания этой статьи мы отчасти коснулись выше): Земной Рай оказывается не только тем местом, которого едва не достиг Улисс в последнем, гибельном порыве, но и тем, которое видели в своих снах величайшие поэты Античности, когда они говорили «о золотом веке и его счастливом состоянии» (*Purg.* XXVIII, 140)². Автор добавляет: «В этом королларии о поэтах <...> есть и нечто большее (чем “мистериальное или аллегорическое истолкование” языческих “ба-сен”. – *А. М.*): утверждение пророческой природы поэтического вдохновения, прикровенной <...> истины поэтического смысла» [2, с. 86–87].

Другой важнейший текст первого раздела – его завершающая статья «Круг, крест, человек. Данте и Равенна»; в статье содержится попытка ответа на последний вопрос Данте в «Комедии», вызванный его последним видением в Раю, которое (формально) остается без пояснения: «...я хотел понять, как сходится / человеческий образ с кругом и как он в него вписывается» (*Par.* XXXIII, 133–138)³. Под «человеческим образом» у Данте разумеется образ совершенного человека – Христа. Ответ на этот вопрос, связанный с тайной Боговоплощения [2, с. 130–131], автор статьи находит неожиданно – среди знаменитых мозаик Равенны: на одной из них, в конхе апсиды Сант-Аполлиналио ин Классе, показан и Крест (распятый в ту пору – VI в. н.э. – еще не изображали), вписанный в круг или сферу, испещренную звездами. Данте провел в Равенне последние годы жизни; именно здесь он закончил Третью кантику; он видел эти мозаики, а значит – такова логика автора, – они могли оказать влияние на его концепцию⁴... Автор в данном случае обращается более к сердцу и художественному чутью читателя, чем к рассудку и познаниям, однако, как думается, имеет на это право, следуя традициям мандельштамовского «Разговора о Данте», который весь, сознательно, построен по этому принципу.

---

¹ Впервые в кн.: Седакова О.А. Апология разума. – Москва, 2009. – С. 4–43.

² Пер. О.А. Седаковой [2, с. 86].

³ Пер. О.А. Седаковой [2, с. 130].

⁴ См. также: Pasquini L. Iconografie dantesche. Dalla luce del mosaico all'immagine profetica. – Ravenna, 2008. – 64 p., ill. 100; Frossard A. Il Vangelo secondo Ravenna. – Itaca, 2018. – Vol. 1. – 144 p.

Второй раздел точнее всего было бы назвать разговором (или: «разговорами»; см. заглавие, в котором сразу заявлен мандельштамовский жанр) о «русском» Данте – он более всего обращен к русскому читателю (хотя первоначально, как автор и предупредил во вступлении, большинство текстов было написано на итальянском).

Отметим, что статья «Мудрость и знание. Данте и Аверинцев»¹, которую легко представить себе во втором, «русском» разделе, помещена в первый. Сопоставление имен может показаться парадоксальным, ведь помимо комментария к «Новой Жизни», написанного совместно с А.В. Михайловым², С.С. Аверинцев, как указывает автор, почти не занимался Данте. Однако «память о Данте, мысль о Данте никогда не покидала Аверинцева» [2, с. 97]. Доказательством тому могут служить заключительные страницы главы «Слово и книга» в «Поэтике ранневизантийской литературы»: «Вспомним, что О. Мандельштам сумел угадать “писца”, даже “переписчика”, в самом позднем и наименее средневековом из гениев Средневековья – в творце “Божественной комедии”»³. Важно, что образ Данте, созданный Мандельштамом, Аверинцев видел «двойным зрением» – не только как читатель Мандельштама, но и как читатель «настоящего» Данте.

Вот определение основного пафоса деятельности С. Аверинцева, которое О.А. Седакова дает в конце первой части статьи о нем: «Премудрость Божия, эллинская София, библейская Хохма – несомненный центр его мысли, центр всей его работы, для которой трудно найти точное жанровое или профессиональное определе-

---

¹ Под загл. «Sapientia et scientia. Мудрость у Аверинцева и Данте» опубликовано: Седакова О. Сергей Сергеевич Аверинцев. Воспоминания. Размышления. Посвящения. – Москва, 2020. – С. 247–261.

² См.: Данте Алигьери. Новая жизнь / пер. с итал. А. Эфроса; [вступ. статья Н. Елиной]; [коммент. С. Аверинцева и А. Михайлова]; грав. на дереве В. Фаворского. – Москва, 1965. – С. 149–178.

³ Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 214. Далее Аверинцев приводит отрывок из «Разговора о Данте», в котором Мандельштам, в частности, импровизирует внутренний монолог Данте: «...Вот еще немного потружусь, а потом надо показать тетрадь, облистую слезами бородатого школьника, строжайшей Беатриче, которая сияет не только славой, но и грамотностью» [1, с. 146].

ние (что это: филология? общая герменевтика? нравственное богословие? история культуры?) и которую – его же словами – можно назвать *службой понимания*» [2, с. 98–99]. Темой данной статьи становится «собственное отношение (Аверинцева. – А. М.) к слову» [2, с. 100].

Очевидно, что громадная фигура С. Аверинцева, его жизнь и деятельность мыслятся автором как аванпост, чтобы не сказать авангард, русской культуры, вдвинутый глубоко вовнутрь культуры европейской. Это, возможно, ее очередное «посольство» (и в то же время «уход», «побег») – по слову того же Мандельштама (автор цитирует эти стихи в другой статье и по другому поводу): «От молодых еще воронежских холмов / К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане»¹.

Достаточно неожиданным оказывается имя Б.Л. Пастернака в кругу дантовских ассоциаций русской поэзии и, шире, русской литературы. Оно появляется еще в конце статьи «Земной рай в “Божественной Комедии”...» в качестве короллария к теме поэтического вдохновения, вместе с образом Эдема из стихотворения «Когда за лиры лабиринт...» (1913), в котором Пастернак вводит тему «связи раннего детства и рая» [2, с. 94], – впрочем, вполне чуждую и Данте, и всему Средневековью, «ни о какой особой ценности младенчества не размышлявшего» [там же]. Всплывает оно и в другом центральном тексте первого раздела – «Круг, крест, человек. Данте и Равенна», в связи с последним четверостишием стихотворения «В больнице» (1956), которое, по мысли автора, представляет наилучшую иллюстрацию так свойственного Данте «живого переживания присутствия Творца, который не перестает быть Творцом, в земной жизни человека» [2, с. 172, прим. 52]. Речь не должна идти о «влиянии» Данте на Пастернака, оговаривается автор: «Всё гораздо проще и “первее”: одна великая тема – тварность – пережита двумя поэтами, двумя мистиками, если угодно, сходным образом» [2, с. 175, прим. 56].

---

¹ Мандельштам О.Э. Полн. собр. стихотворений / вступ. статьи М.Л. Гаспарова и А.Г. Меца; сост., подгот. текста и примеч. А.Г. Меца. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 280. – (Новая 6-ка поэта).

Более развернуто пастернаковская тема возникает в статье «Беатриче, Лаура, Лара. Прощание с проводницей»¹, открывающей второй («русский») раздел книги. Большая часть статьи посвящена разделению и противопоставлению этих двух, слившихся в последующей истории культуры, образов (Лауры и Беатриче), что особенно важно для русского читателя, редко задумывающегося об их разноприродности. Образ пастернаковской Лары из «Доктора Живаго» появляется как дополнение к первым двум, – как «младший образ Женственности» и как «третья вариация темы» [2, с. 242]. Черты, которые О.А. Седакова обнаруживает в ней, весьма неожиданны (плохо сочетаются с априорным представлением об этой героине). Автор статьи решается говорить о ее «софийной ауре» и об «учительной и спасительной» [там же] в отношении героя роли, сближающей ее с Беатриче; в то же время, подобно петрарковской Лауре, «она несет в себе природу, творчество и все мироздание – “безгласные начала существования”»² [2, с. 242].

Но есть в Ларе и еще нечто, присущее лишь русской версии Прекрасной Дамы: «Лара – олицетворение своей страны, России...» [там же]. Есть и другие отличия: связь между героем и героиней, основанная на его *нужности* ей; ее привязанность к нему, подобная привязанности Магдалины ко Христу («Но где бы я теперь была, / Учитель мой и мой Спаситель»). Лара – «не целомудренная Дева (Беатриче. – А. М.) и не древняя Медуза (Лаура. – А. М.), а “дорастающая до воскресенья” грешница, Магдалина» [2, с. 243]³. Такие разнородные образы, как море и свеча («но не храмовая, а бытовая, комнатная» [2, с. 245]), символизируют в романе не только Лару, но и поэзию вообще, а для любовной темы важны «не герой и не героиня сами по себе, но стихия их близости, которая делает их близкими всему в мире» [2, с. 246].

С пастернаковской темой соседствует другая – вбирающая ее в себя (или вбираемая ею), которой посвящена отдельная работа: «Дантовское вдохновение в русской поэзии». Существенна оговорка, сделанная в примечании: наряду с А.А. Блоком и Ман-

---

¹ Опул. в: Седакова О.А. Четыре тома. – Москва, 2010. – Т. 2 : Переводы. – С. 224–242.

² Пастернак Б.Л. Собр. соч. : в 5 т. – Москва, 1990. – Т. 3. – С. 386.

³ У этого образа не дантовская родословная – он скорее восходит к Гёте, на что автор и указывает [там же].

дельштамом – центральными фигурами итальянского текста 2006 г. – в русскоязычной версии¹ рассматриваются такие поэты «дантовского вдохновения в русском XX веке», как А.А. Ахматова и ранний И.А. Бродский [2, с. 247, прим. 1]. Но, кроме названных, автор, конечно, касается в своем обзоре и других, круг которых максимально широк: от Пушкина до Н.А. Заболоцкого и от В.Ф. Ходасевича до Л.Л. Аронсона. 10 марта 1302 г. – день заочного приговора к смерти Данте Алигьери судом Флорентийской республики – многократно отражается в биографии А. Ахматовой: «10 марта 1938 года, день ареста ее сына Льва, 10 марта 1940 года – день завершения “Реквиема”. Эту цепочку завершает 10 марта 1966 года, отпевание Ахматовой в Никольском соборе» [2, с. 249–250].

Слишком суровое, на первый взгляд, суждение О. Мандельштама: «Русская поэзия выросла так, как будто Данта не существовало» [1, с. 156], – покажется более понятным, если учесть, что оно высказано человеком, пережившим подлинный шок от встречи с «настоящим» Данте, «который обжигает слух и ум» [2, с. 252]. Несправедливость этого утверждения доказывается уже хотя бы пушкинским «Зорю бьют... из рук моих...» (1829), в строках которого прочитывается анаграмма имени Данте [см.: 2, с. 254], не говоря о том, что в терцинах «В начале жизни школу помню я...» (1830) Пушкин задал инерцию «дантовского стиха» [там же] в русской поэзии. Но у Пушкина невозможен «яростный дантовский голод по Новому, Будущему, Необычайному, Справедливому» [2, с. 255].

Особым присутствием Данте в русской поэзии отмечен Серебряный век. В созвездии его имен возвышаются Вл. Соловьёв и А. Блок: «Дух Софии Премудрости Божией, Вечной Женственности витает над эпохой. Владимир Соловьёв вызвал этот дух, Блок сделал его предметом своего артистического служения. Беатриче близко» [2, с. 256]. Жаль только, что стихи:

Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь, –

---

¹ Впервые опубликовано в: Седакова О. Дантовское вдохновение в русской поэзии // *Prosodia*. – 2015. – № 3. – С. 32–40.

приписаны А. Блоку [там же], а не В.Я. Брюсову, их действительному автору [«Поэту» («Ты должен быть гордым, как знамя...»), 1907]¹. Кстати, и он тоже, как Пушкин, Ахматова и Мандельштам, долгие годы читал Данте в оригинале.

И все же дантовская муза русской поэзии – это прежде всего Муза *Ада*, как о том и сказано в великих стихах Ахматовой:

Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

«Рай» (не говоря о «Чистилище»; последнее, впрочем, по понятным причинам) остался для русских поэтов *terra incognita*. Даже великолепные переводы из «Рая» Вяч. Иванова грешат декламацией, дантовское же великолепие – «<э>то восторг, разрывающий сердце» [2, с. 256, прим. 32].

Следует поражаться точности описания внутреннего пространства «Поэмы без героя» А. Ахматовой, так же, по мнению автора, продиктованной Музой Ада, которое соединяет в себе черты первого и второго кругов преисподней: «Как если бы в дантовском Лимбе, пространстве высоких душ и гениев, поэтов и мыслителей, единственной виной которых была “обломанная надежда”, поднялся тот вихрь, который носит Паоло и Франческу, и захватил Гомера, Марциала и всех участников мировой легенды» [2, с. 257].

Причастным дантовскому вдохновению неожиданно оказывается и В.В. Маяковский; не об этом ли свидетельствуют стилистические особенности его дореволюционных поэм: «<к>осмический размах, который принимает у него любой сюжет (любовный сюжет особенно), библейская и литургическая подкладка его образности, гротескные метафоры, гиперболы, стилистические скачки, репортерская спешка изложения, редкая страсть к детали, почти садистская пристальность в описании физических страданий... И главное, этот тон, этот ритм, который куда ближе передал бы *rime aspre* “Ада”, чем неоклассицистическая версификация и музейный слог Лозинского» [2, с. 258–259]? Дантовское начало скрыто и в предсмертных стихах Маяковского («Я знаю

---

¹ Блок, однако, цитирует эти стихи в ст. «О современном состоянии русского символизма» (см.: Блок А. Собр. соч. : в 8 т. – Москва ; Ленинград, 1962. – Т. 5. – С. 433).

силу слов, я знаю слов набат...»): «Вот так – “во весь голос” – и можно было бы переводить “Ад”» [2, с. 259].

При всем родстве Данте и Блока (к нему автор, «несколько сбивая хронологию» [2, с. 258], обращается еще раз, уже после Маяковского) очевидны и различия. О.А. Седакова указывает на контраст итоговых образов у обоих поэтов: «белоснежной Таинственной Розы (*candida Rosa Mistica*)» [2, с. 260] дантовского Эмпирея и «белого венчика из роз» в «Двенадцати» Блока, – кажется, никто не обращал на это внимания. Как и прочие русские поэты, по замечанию автора, «Блок знает в Данте только Ад» [2, с. 261], однако в звучании его поздней поэмы «Возмездие» (1910–1911; 1921) можно услышать и нечто другое – «голос Данте, уже выходящего из Ада» [там же]; «латинскому субстрату» поэзии Данте здесь соответствуют «своего рода *семантические* славянизмы» [там же], а благословения, как считает автор, поэт просит у самой Богородицы, к которой смеет обращаться лишь перифрастически: «Ты, поразившая Денницу...».

О. Мандельштам – «самый интересный дантовский случай в русской поэзии», «настоящий взрыв Данте» – притягивает внимание автора не единожды. В обсуждаемой статье, помимо «Разговора о Данте», который «можно читать как введение к поздним стихам Мандельштама» [2, с. 263], в центре внимания оказываются «Стихи о неизвестном солдате» (1937), в которых, на взгляд автора, дантовское вдохновение «отзывается с предельной интенсивностью» [2, с. 264]¹.

Все остальное в русской поэзии, включая И. Бродского и Л. Аронсона (последнему, наряду с Б. Пастернаком, уделено также внимание в заключительной главке статьи «Земной Рай в “Божественной Комедии”...» [2, с. 95–96]), лишь следствие вышеозначенных начал и ранее охарактеризованных поэтических миров. Творчество обоих названных поэтов, кроме того, по нашему убеждению, прикосновенно к теме, которую можно было бы назвать «Данте в поэзии советского андерграунда»; в книге О.А. Седаковой она едва затронута, – но это только верхушка айсберга.

---

¹ В следующем, заключительном тексте раздела, посвященном последним воронежским стихам поэта (см. далее), «Стихи о неизвестном солдате» названы «самым дантовским сочинением в русской поэзии» [2, с. 279], а его строфы – «высочайшим образцом “русского Данте”» [2, с. 280].

Еще раз к стихам О. Мандельштама автор возвращается в заключительной статье второго раздела – «Классика в неклассическое время. Прощальные стихи Мандельштама»¹; отправной точкой для размышлений становится работа И.З. Сураат «Ясная догадка»², посвященная последним воронежским стихам («К пустой земле невольной припадая...», 1937). В то же время упоминается и относительно недавнее исследование об этих стихах Л.Г. Пановой, в окончательной редакции вошедшее в ее книгу, на которую автор неоднократно ссылается и в других текстах³. И прежде всего О.А. Седакова дает ответ на вопрос – что перед нами: «Диптих <...> – или же две строфы одного стихотворения?», связывая его с изысканной рифмовкой строфы: «Это сложно построенное 11-стишие с женскими рифмами. В русской поэзии аналога такой строфе нет. На фоне старой итальянской поэзии мы сразу же узнаем ее – это строфа *канцоны*» [2, с. 276], станца; учитывая ее своеобразие («рифменные новации», «новое звуковое наполнение» [2, с. 293]), автор предлагает называть ее «мандельштамовской строфой»⁴ [2, с. 291]. Мандельштамовские стихи, по мнению автора, обладают многими свойствами, предписанными Данте канцоне, что выражено и в их языке, необычном для Мандельштама своей «“нормальностью”, ровностью и определенной “старомодностью”» (дантовское требование «высокого слога народного языка») [2, с. 294]. Не только в итальянском, но и в общеевропейском (включая античный) контексте становятся понятней и некоторые мотивы этих стихов, например мотив «связи весны и смерти», труднообъяснимый из одного только русского контекста (о чем говорит в своей работе и И. Сураат).

---

¹ См. также: Седакова О. Прощальные стихи Мандельштама. «Классика в неклассическое время» // Осип Мандельштам и XXI век : материалы междунар. симпозиума. Москва, 1–3 нояб. 2016 г. / ред.-сост. Л. Видгоф, Д. Зуев, О. Лекманов, П. Нерлер. – Москва, 2016. – С. 23–50.

² Впервые опубликовано в: Звезда. – 2013. – № 10. – С. 220–234.

³ Панова Л.Г. Итальянские, русские. Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. – Москва, 2019. – С. 579–609.

⁴ Ранее говорилось о высокой для стихотворца чести, со времен Античности, «изобретения своей строфы, которую назовут его именем» [2, с. 277].

Еще один мотив – мотив «походки и хромоты» героини (которому, заметим в скобках, посвящает почти все свое эссе 2016 г. Л.Г. Панова¹). Кстати, на замечание (и вопрос) автора: «Я не помню (может быть, вы вспомните?) в любовных стихах русской поэзии изображения идущей женщины. <...> Не могу вспомнить, чтобы кто-то из русских поэтов заметил, как героиня *идет*» [2, с. 297], – можно, вероятно, возразить, приведя в пример строки А. Блока (1905):

Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы <...>
Как лицо твое похоже
На вечерних богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...

Насколько эти стихи перекликаются с итальянской и дантовской традицией – судить автору, ведь именно Блока О.А. Седакова считает одной из «вершин дантовского вдохновения» [2, с. 247]. Но, наверно, следует согласиться, что стихов, изображающих идущую женщину, в русской поэзии действительно немного². Иначе в поэзии итальянской: «...для провансальской поэзии, для итальянской поэзии именно походка возлюбленной – это первое дело» [2, с. 297]. И здесь возникает градация: «...шаг Беатриче Данте еще переносит, взгляд – труднее, на улыбке он уже почти теряет сознание, а на приветствии Беатриче <...> он просто падает в обморок» [2, с. 298–299]. У Мандельштама эта шкала ограничивается лишь походкой. Кажется, никем еще не высказывалось предположение о том, что «вторую строфу можно прочесть как ответ на первую, как *ее* слова» [2, с. 299], т.е. как реплику героини в ответ на репли-

---

¹ Панова Л.Г. Гармонизация дефекта // Панова Л.Г. Указ. соч. – С. 596–609.

² Разве что у того же Блока: «Девичий стан, шелками схваченный, / В туманном движется окне. // И медленно, пройдя меж пьяными, / Всегда без спутников, одна...» («Незнакомка»; 1906); «Ты рванулась движеньем испуганной птицы, / Ты прошла, словно сон мой легка... / И вздохнули духи, задремали ресницы, / Зашептались тревожно шелка» («В ресторане»; 1910); «И вы уже (звездой средь ночи), / Скользящей поступью скользя, / Идете – в поступи истоста...» [«Сердитый взор бесцветных глаз...» («Кармен»); 1914]. Или у Есенина...

ку лирического героя в первой строфе (сознательно оставшегося «за кадром» в этих стихах, как убедительно показывает в одном из своих эссе Л.Г. Панова¹). Далее автор дает свою версию разбора мотива «появления возлюбленной в группе идущих» (вместе с ней), в начале мандельштамовских стихов, также восходящего к итальянским реалиям и обстоятельно проанализированного Л.Г. Пановой в ее книге².

То же самое касается жанра стихотворения, который сам Мандельштам определял как «любовную лирику»: его особенности, согласно автору, во многом обусловлены итальянскими ассоциациями, прежде всего перекличкой с произведениями «итальянских стариков» – Данте, Петрарки.

Третий раздел книги, включающий в себя прозаические фрагменты – отрывок из главы 3, главы 11 и 29, а также последний сонет – из главы 41 «Новой Жизни»³, примечателен как демонстрация новаторских переводческих принципов автора в передаче на русском языке итальянской классики («Мне хотелось сделать нечто вроде эквиритмической русской версии и прозы, и стиха “Новой Жизни”» [2, с. 312]). Переводы должны быть рассмотрены вкупе с другими опытами автора – в книге «Перевести Данте» [3], где представлены переводы песней I и XXVII «Чистилища» и песни XIV «Рая». Жаль, что у издателя не было возможности расположить, для удобства читателей, русский и итальянский тексты en regard (параллельно), как это было сделано, например, в знаменитом сборнике переводов В.А. Жуковского «Для немногих» (М., 1818). Жаль также (но это уже к слову, и относится не столько к заключительному, сколько к предыдущим разделам), что концепция книги не позволила включить в нее указатель имен – это было бы отнюдь не лишним.

Само по себе появление переводов такого уровня трудно переоценить и для современной переводческой практики, и, осме-

---

¹ Панова Л.Г. К прояснению герметичного сюжета // Панова Л.Г. Указ. соч. – С. 585 и сл.

² Там же. – С. 590–595.

³ Тексты публиковались в: Седакова О.А. Четыре тома. – Т. 2 : Переводы. – С. 165–168. В этот же раздел входит и завершающее книгу «Слово при вручении премии Данте Алигьери» («Premio Laurentum per la poesia. Dante Alighieri»; Рим, 12 дек. 2011 г.).

люсь сказать, для русской литературы – русской поэзии – вообще. Кто знает, может быть, благодаря усилиям О.А. Седаковой и других подвижников, у нас действительно будет «русский» Данте – если и не дословный его перевод, то хотя бы максимально приближенный к подлиннику? Об этом можно только мечтать.

Список литературы

1. Мандельштам О. Разговор о Данте. Черновые наброски к «Разговору о Данте» // Мандельштам О. Слово и культура : статьи. – Москва : Сов. писатель, 1987. – С. 108–152, 153–166.
2. Седакова О. Мудрость Надежды и другие разговоры о Данте. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2021. – 320 с.
3. Седакова О. Перевести Данте. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2020. – 128 с.